

0-794200

На правах рукописи

Шитц Ольга Александровна

**АТТРИБУТИВНАЯ ГРУППИРОВКА СЛОВОФОРМ
КАЧЕСТВЕННОЙ СЕМАНТИКИ В УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ
(в сравнительно-сопоставительном аспекте)**

**Специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание**

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук**

Новосибирск 2012

Работа выполнена на кафедре языков народов Сибири Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Томский государственный педагогический университет».

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Володин Александр Павлович
(Институт лингвистических исследований РАН)

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Копыарева Наталья Борисовна
(Институт филологии СО РАН)

кандидат филологических наук, доцент
Ефремов Дмитрий Анатольевич
(ФГБОУ ВПО «Удмуртский
государственный университет»)

Ведущая организация: Институт народов Севера ФГБОУ ВПО
«Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена»

Защита состоится 28 марта 2012 года в 16.30 часов на заседании диссертационного совета Д 003.040.01 по защитам диссертаций на соискание учёной степени доктора филологических наук по специальности 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» при Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институт филологии СО РАН по адресу:

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КФУ

630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8
Тел. (383) 330 84 69
Факс (383) 330 15 18
e-mail: romodan@philology.nsc.ru

0000792705

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института истории СО РАН по адресу: г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8.

Автореферат разослан 28 февраля 2012 г.

**Учёный секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук**

А. А. Мальцева

Общая характеристика работы

В настоящем исследовании рассматриваются критерии выделения прилагательного как части речи в уральских языках, дается обзор имеющихся описаний уральских языков на предмет выявления основных принципов классификации уральских прилагательных и предпринимается попытка описать словоформы качественной семантики, выполняющие функцию определения, согласно модели «**грамматики словоформы**» (далее «ГС»), разрабатываемой А. П. Володиным¹. Эта модель предполагает примат функции словоформы над формой и значением, что определяет порядок отнесения словоформ² к той или иной группировки начиная с их синтаксической функции к семантике корня посредством морфологических характеристик.

Результатом такого описания должно быть установление функциональной группировки атрибутов актанта и формальная характеристика словоформ, входящих в указанную группировку³.

Прилагательные в некоторых уральских языках являлись предметом специальных исследований. Научные описания уральских прилагательных в основном проводились в рамках традиционной (греко-латинской) модели, базирующейся на лексико-грамматических свойствах слов. Между тем уральские языки имеют отличную от индоевропейских языков структуру, а прилагательные не вполне соответствуют традиционной модели описания, что отмечали и авторы некоторых грамматик уральских языков, хотя и не выходили за рамки сложившейся схемы.

Актуальность темы. Комплексный анализ словоформ качественной семантики, выполняющих функцию определения, по модели «ГС» представляется актуальным для описания уральских языков, поскольку до сих пор нет однозначного мнения о статусе прила-

¹ Володин А. П. Общие принципы развития грамматической системы чукотско-корякских языков // *Язык и речевая деятельность*. СПб., 2000. Т. 3. Ч. 1. С. 24–44; Володин А. П. Грамматика словоформы // *Материалы Второй конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей* (г. Санкт-Петербург, 3–5 ноября 2005 г.). СПб., 2005. С. 131–145; Володин А. П. К проблеме частей речи // *Гуманитарные науки в Сибири*. Сер. Филология. Новосибирск, 2004. № 4. С. 23–28.

² Термином «словоформа» мы называем упорядоченную цельнооформленную цепочку морфов.

³ Под термином «атрибут актанта» мы понимаем словоформу первично качественной семантики, выполняющую функцию определения. «Атрибут предиката» – это словоформа первично локально-темпоральной семантики, выполняющая функцию обстоятельства.

тельных в указанных языках. Детальное рассмотрение данных словоформ с точки зрения их функции, формы и семантики позволяет классифицировать весь языковой массив, тем самым избегав тех описательных трудностей, с которыми сталкиваются учёные, распределяя слова на основе их лексико-грамматических категорий по частям речи в неиндоевропейских языках.

Предметом настоящего исследования являются общие и дифференциальные признаки словоформ качественной семантики, выполняющих функцию определения, в языках уральской семьи.

Объектом исследования является группировка атрибутов актанта в уральских языках: на материале финского и других уральских языков (прибалтийско-финских, волжских, пермских, угорских и самодийских).

Теоретическими основами данного исследования явились труды отечественных и зарубежных учёных по общему и уральскому языкознанию. Основой анализа словоформ послужила модель «грамматики словоформы» А. П. Володина, позволяющая адекватно отразить те особенности грамматических систем, которые присущи языкам неиндоевропейской семьи⁴.

Эмпирическим материалом диссертационного исследования послужили описания и словари уральских языков, а также тексты на уральских языках: художественная, учебная, научная литература, произведения фольклора.

Методы исследования: описательный метод с применением приёмов классификации и систематики, который позволил отразить универсальные черты словоформ качественной семантики, выполняющих функцию определения в уральских языках, а также лингвистического наблюдения при изучении текстов на уральских языках, сравнительно-сопоставительный метод с применением приёмов признакового сопоставления и сопоставительной интерпретации для установления сходств и различий атрибутов актанта в уральских языках.

Целью данной работы является выделение и сопоставительное описание функциональной группировки атрибутов актанта в грамматических системах уральских языков.

⁴ Результаты применения такого подхода были продемонстрированы в диссертационных исследованиях: Е. А. Крюковой «Класс слов-определителей в енисейских языках» [2005] и А. А. Сюрюн «Приименные и прилагательные атрибуты в тувинском языке» [2011].

Из поставленной цели вытекают следующие задачи:

- 1) рассмотреть критерии выделения частей речи в общем языкознании;
- 2) изложить основные критерии классификации словоформ в модели «ГС»;
- 3) сделать обзор имеющихся описаний уральских языков на предмет выявления принципов выделения уральских прилагательных;
- 4) рассмотреть формальные характеристики словоформ качественной семантики, выполняющих функцию определения, в прибалтийско-финских, саамском, волжских, пермских, угорских и самодийских языках;
- 5) провести сравнительный анализ атрибутов актанта в уральских языках.

В ходе исследования сформулированы и выносятся на защиту следующие основные положения:

1. Уральские языки делятся на 2 группы на основании возможности / невозможности согласования атрибута с определяемым словом: в прибалтийско-финских языках атрибуты первично качественной семантики уподобляются словоформам группировки актантов, с которыми они согласуются в числе и падеже. В остальных уральских языках такое уподобление отсутствует.

2. В уральских языках у атрибутов актанта отсутствует регулярный маркер, который бы указывал на категориальную принадлежность словоформы, тогда как атрибуты предиката в указанных языках имеют более чёткое маркирование.

3. В прибалтийско-финских, саамском, пермских и венгерском языках атрибуты актанта имеют морфологически выраженные степени сравнения, в то время как в хантыйском, мансийском и самодийских языках значение сравнения выражается посредством синтаксических конструкций с актантами в отложительном падеже или послеложными конструкциями.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые в истории описания уральских языков словоформы качественной семантики, выполняющие функцию определения, рассматриваются с позиций «ГС»; во-вторых, впервые для анализа данных языковых единиц привлечён материал всех уральских языков, что позволило выявить общесистемные явления для указанных языков.

Теоретическая значимость настоящего исследования состоит в том, что в нем поднимается вопрос о статусе прилагательного как части речи. Специфическим свойством прилагательных является отсутствие формальной самостоятельности, что затрудняет их характеристику как части речи. Представленная же в данной работе модель описывает прилагательные как функциональную группировку словоформ первично качественной семантики и тем самым позволяет устранить проблему определения частеречной принадлежности грамматических омонимов (омоформ) в уральских языках. Схема анализа группировки атрибутов актанта может быть применена для описания других функциональных группировок словоформ уральских языков, что открывает перспективу создания грамматик языков агглютинативного типа с точки зрения модели «ГС».

Практическая значимость исследования определяется тем, что его материалы могут быть использованы при разработке общих и специальных учебных курсов грамматик уральских языков, методики их преподавания, в том числе как иностранных, а представленная методика описания словоформ может быть применена в дальнейших функционально-семантических исследованиях.

Апробация работы. Результаты исследования обсуждались на заседаниях отдела языков народов России Института лингвистических исследований РАН (г. Санкт-Петербург), кафедры романо-германской филологии Томского государственного университета и кафедры языков народов Сибири Томского государственного педагогического университета, на Международной научной конференции «Язык и культура» (г. Томск, 2004, 2005 гг.), Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Наука и образование» (г. Томск, 2005, 2006 гг.), Международной научно-методической конференции «Иностранный язык и иноязычная культура в образовании: тенденции, проблемы, решения» (г. Томск, 2006 г.), региональной научно-практической конференции-конкурсе «Язык и мировая культура: взгляд молодых исследователей» (г. Томск, 2006 г.), Международной научно-практической конференции «Язык и культура – основа общественной связности» (г. Санкт-Петербург, 2007 г.), Международной научной конференции «Историко-культурное взаимодействие народов Сибири» (г. Новокузнецк, 2008 г.), Региональной конференции «Языки Сибири и сопредельных регионов» (г. Новосибирск, 2011 г.). Основные разделы диссертации отражены в семи публикациях (статьях), одна из них в журнале, включённом в

перечень изданий, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации результатов кандидатских и докторских диссертаций.

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, двух глав, Заключения, библиографии, включающей список использованной отечественной и иностранной литературы по общему языкознанию и уралистике (всего 182 наименования, из них 153 на русском языке, 29 на иностранных языках), перечень проанализированных текстов и словарей.

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, определяются цели и задачи исследования, даётся характеристика его объекта и предмета, уточняются методы исследования, определяется теоретическая значимость и научная новизна работы, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

В **Главе I «Критерии определения прилагательного как части речи в общем и частном языкознании»** проводится обзор основных подходов к систематизации языковых единиц.

В параграфе 1.1. **«Основные критерии выделения частей речи»** рассматриваются принципы классификации частей речи в общем и частном языкознании. Индоевропейская система частей речи первоначально строилась на синтаксической основе, однако с развитием науки о языке она превратилась в классификацию слов согласно их морфологическим признакам. Данная классификация не является универсальной, поскольку существуют языки, испытывающие «недостаток морфологии», в которых соотношение функции и семантики языкового знака в составе коммуникативной единицы определяется исключительно синтаксической позицией. При смене позиции происходит смена значения, при этом форма остаётся прежней. Теория частей речи была выработана на материале языков, имеющих форму (морфологию), а применение её к материалу языков другой типологии является предметом дискуссий. Например, В. Б. Касевич утверждает, что применительно к изолирующим языкам о частях речи можно говорить как о «скрытых категориях», в то время как С. Е. Яхонтов настаивает на том, что ни о частях речи, ни о каких бы то ни было «грамматических категориях» в данном случае говорить не приходится. А. А. Драгунов выделяет в современном китайском

языке три функциональные (синтаксические) группировки: *имя, предикатив, наречие*, поскольку в китайском языке почти нет морфологии. По мнению В. Б. Касевича, предикатив должен быть признан частью речи наравне с именем, поскольку имя бесспорно признаётся частью речи. Ср. также высказывание Р. И. Аванесова: «Части речи – это **морфологизованные**, застывшие члены предложения» [Аванесов 1936: 55] (выделено нами – *О.Ш.*).

Применение формально-морфологического подхода к выделению частей речи в неиндоевропейских языках, в частности уральских, не всегда позволяет отграничить прилагательные от других частей речи: их относят либо в подклассы (категории) имён (см., например, грамматики А. Пенттиля, А. Рауна, Й. Балашши, М. Е. Евсеева), либо наряду с наречиями в класс неизменяемых слов (см. работы Д. В. Бубриха).

Учёт только семантического параметра также не даёт чёткого различения прилагательных, поскольку значение признака передают и другие части речи, ср. в мордовских языках:

мокш. *шобда* ‘темнота, тёмный, темно’ – *шобда да туман пачк кусторксне бта тише капат* ‘сквозь **темноту** и туман кусты казались копнами’, *увнасть Саровонь шобда вирьне* ‘шумели Саровские **тёмные** леса’, *ушеса ульсь шобда* ‘на улице было **темно**’;

эрз. *якшамо* ‘холод, холодный, холодно’ – *ансяк якшамо кеместэ кутморьясь каленть* ‘только **холод** крепко обнимал иву’, *якшамо телесь кармась марявомо лембекс* ‘холодная зима стала казаться тёплой’, *совинь – якшамо тосо* [канавасонть], *ламонь таркава ловось еше эзь сола...* ‘зашёл=я – **холодно** здесь [в канаве], во многих местах ещё не растаял снег...’.

При классификации слов на основе только синтаксической функции прилагательные попадают наряду с другими частями речи в уральских языках (причастиями, порядковыми числительными, местоимениями, а также существительными) в единый класс определений⁵.

Таким образом, только применение комплексного подхода к классификации прилагательных, в котором сочетаются все три признака, позволит адекватно охарактеризовать эти слова. Таким подходом, на наш взгляд, является модель «грамматики словоформы», которая разрабатывалась для языков, отличных от языков индоевропейского типа.

⁵ Ср., например, состав «класса прилагательных» в работе [Болдырев 2007].

В параграфе 1.2. «Принципы классификации словоформ в модели “грамматики словоформы”» излагаются основные критерии соотнесения словоформ с той или иной функциональной группировкой согласно предложенной А. П. Володиным модели. «Грамматика словоформы» опирается, в частности, на следующее определение частей речи: «Части речи – классы слов языка, выделяемые на основании общности их синтаксических, морфологических и семантических свойств» [ЛЭС]. В этой формулировке важен «примат функции над семантикой корня и над экспонентом, внешней формой языкового знака» [Володин 2000: 33; Володин 2004: 24; Володин 2005: 138].

В модели «ГС» различаются три синтаксические функции: предикат, актанта и атрибут. Последний выступает в двух вариантах – как атрибут предиката (Атр₁) и атрибут актанта (Атр₂)⁶. Привлечение формального параметра позволяет охарактеризовать группировки словоформ как «части речи». Однако выделение таких классов для «грамматики словоформы» трактуется как частный случай.

Словоформы группировки Атр₂ обладают функциональной определённой (атрибут актанта) и семантической избирательностью: они обозначают первичный качественный признак; формальная самостоятельность отсутствует. Словоформы, которые мы называем «прилагательными», всегда «надевают чужую одежду»: именную, глагольную, наречную [Володин 2005: 136]. Это следует оценивать как универсалию⁷. Исключением является категория сравнения, которую можно трактовать как показатель формальной самостоятельности функциональной группировки атрибутов актанта. Однако вопрос о том, кому принадлежит эта

⁶ Порядковый номер 2, присвоенный атрибуту актанта, предполагает, что указанная группировка возникла позже, чем Атр₁, и, возможно, свойственна не каждому языку. Так, В. А. Плунгян в работе «Общая морфология», рассматривая вариант оформления прилагательного как глагола, приводит примеры из африканского языка волоф, где словосочетание ‘хороший дом’ – *kër gu baax* имеет структуру ‘дом который хорош=есть’, см. также *rabi all yi bare* ‘многочисленные дикие животные’ (букв.: животные чаща (глагольный показатель) быть многочисленным), *picc mu rafet* ‘красивая птица’ (букв.: птица (глагольный показатель) быть красивым). Если такие конструкции являются регулярными, то в языке отсутствует отдельная синтаксическая функция атрибута актанта.

⁷ Не случайно, что уже более двух тысяч лет назад глагол, имя и наречие в индоевропейских языках были выделены как самостоятельные части речи, тогда как прилагательное, принимающее оформление по именному типу, рассматривалось как подкласс имён вплоть до XIX в.

категория – атрибуту предиката или атрибуту актанта, остаётся дискуссионным. В «ГС» эта категория принадлежит всему атрибутивному ярусу.

Согласно «ГС», взаимоотношение функционального и семантического параметров может быть «естественным», или первичным, и вторичным, когда корни «чуждой» семантики выполняют ту или иную синтаксическую функцию. Это очень ярко проявляется в функциональной группировке атрибутов актанта.

В индоевропейских языках, в частности в русском, атрибутивные словоформы предметно-вещественной семантики принято называть термином *относительные имена прилагательные*. Это связано, по нашему мнению, с особенностями оформлением таких словоформ в функции определения, поскольку их показатели совпадают с показателями атрибутивных словоформ качественной семантики, например: *больш=ой, большая=ая, большое=ое* (какой), ср. *золот=ой, золот=ая, золот=ое* (из чего сделанный), *отцовск=ий, отцовск=ая, отцовск=ое* (кому принадлежащий). Но подобная формальная симметрия наблюдается далеко не всегда. В уральских атрибутивных сочетаниях относительной или притяжательной семантики имена-атрибуты не принимают никаких показателей, они выступают в форме основного падежа, часто образуя при этом композиты, например: фин. *rautatie* ‘железная дорога (железо/дорога)’; эст. *kivisild* ‘каменный мост (камень/мост)’; кар. *kakral/jauho* ‘овсяная мука’ (овёс/мука); веп. *kala/razv* ‘рыбий жир (рыба/сало, жир)’; саам. *ku:c/cupja* ‘ёлочная игрушка’ (ёлка/игрушка); вен. *bõr/gyár* ‘кожевенный завод’ (кожа/завод); ком. *ïöš/va* ‘молочная сыворотка (молоко/вода)’ и т. д.

Кроме того, в прибалтийско-финских языках, в частности в финском, где прилагательные оформляются как имена (т. е. согласуются с актантами в числе и падеже, при этом падежные и числовые показатели совпадают по экспоненту с соответствующими показателями актантов), атрибутивные словоформы предметно-вещественной семантики и атрибуты актанта ведут себя по-разному, ср. фин. *kylmä=ssä talo=ssa* ‘в холодном доме’, *kylmä=i=ssä talo=i=ssa* ‘в холодных домах’, но: *puutalo=ssa* ‘в деревянном доме’, *isän talo=ssa* ‘в отцовском доме’ (в доме отца), *isäni talo=ssa* ‘в доме моего отца’.

Таким образом, мы считаем некорректным называть описанные выше словоформы индоевропейским термином *относительные*

имена прилагательные. Согласно модели «ГС», в данном случае наблюдается привлечение словоформ вторичной семантики в функциональную группировку атрибутов актанта. Первичные атрибуты актанта и вторичные атрибутивные словоформы не должны оформляться одинаково, так как они представляют разную семантику: (качественного) признака и предметно-вещественную⁸. Об этом же свидетельствует тот факт, что у атрибутивных словоформ предметно-вещественной семантики отсутствует категория сравнения, причиной которой является семантическая несовместимость.

В качестве определений функционируют и словоформы с семантикой процессуального признака, т.е. причастия. В индоевропейской грамматической системе эти словоформы оформляются так же, как и качественные и относительные прилагательные: *читающ=ий мальчик*, *читающ=ая девочка*, *читающ=ее устройство*, т.е. согласуются с именем в числе, падеже и роде. По мнению А. П. Володина, атрибутивные словоформы процессуальной семантики представляют собой «свёрнутые» предикативные конструкции: *читающий мальчик* < *мальчик, который читает*, так же, как *мы учимся в хорошей школе* < *мы учимся в школе, (наша) школа хорошая*.

В финском языке, где атрибуты актанта согласуются с определяемыми именами в числе и падеже, в то время как «относительные» не согласуются, причастные формы в функции атрибута актанта сохраняют согласование в числе и падеже, например: *lukeva poika* 'читающий мальчик', *lukeva=t poja=t* 'читающие мальчики', *lukeva=lle poja=lle* 'читающему мальчику', *lukev=i=lle poj=i=lle* 'читающим мальчикам' и т.д. Это свидетельствует о семантической совместимости прилагательных и причастий, поскольку и те и другие обладают признаковой семантикой, в отличие от словоформ с предметно-вещественной семантикой.

В Главе II «Атрибуты актанта в уральских языках» рассматривается фактический языковой материал уральских языков согласно указанной модели.

⁸ Некоторые ураллисты вместо термина «относительные прилагательные» употребляют термины «адъективные формы существительных» или «адъективные репрезентации существительных», считая их более подходящими для уральских языков [Кузнецова, Хелимский, Грушкина 1980; Гашилов 1999: 38–40].

В прибалтийско-финских языках, в отличие от остальных уральских языков, происходит согласование качественного атрибута и актанта в числе и падеже, например:

фин. *ohkaise=illa ääne=llä* (Ades.Sg) 'тонким голосом', *ohu=illa ään=illä* (Ades.Pl) 'тоненькими голосами', *paksu=n jalava=n* (Gen.Sg) *alta* 'из-под толстого вяза', *liperiläiset olleet hyv=iä juoksumieh=iä* (Part.Pl) 'липерцы были хорошими бегунами';

веп. (северный диалект) *hoika=л äne=л* (Ades.Sg) 'тонким голосом', *hoikeizē=л änhüde=л* (Ades.Pl) 'тонкими голосами', *saṅkta=n vānza=n* алл (Gen.Sg) 'под толстым вязом', *uu=t doroga=d* (Part.Sg) *mōto* 'по новой дороге'; (средне-вепсский диалект) *pitki=d pajoi=d* (Nom.Pl) 'долгие песни', *paksu=hu mec=ha* (Ill.Sg) 'в частом лесу', *lageda=ле šija=ле* (All.Sg) 'на открытом месте'; (южно-вепсский диалект) *pitk=ikš pā.v=ikš* (Trans.Pl) 'долгими днями';

иж. *nuore=t nuuemiehe=t* (Nom.Pl) 'молодые поезжане', *musta=ksi sia=kse* (Trans.Sg) 'чёрной свиньёй'; (хэваский диалект) *hoikkaiZe=l äne=l* (Ades.Sg) 'тонким голосом', *üe=l tē=l* (Ades.Sg) 'на новой дороге', *paksu=s pū=Z* (Ines.Sg) 'в толстом вязе';

кар. (собственно карельский диалект) *vienoze=lla iānhüö=l'l'ä* (Ades.Sg) 'тонким голосом', *ložie=n vānzina=n* (Gen.Sg) *alla* 'под толстым вязом', *uw=tta dorogu=a* (Part.Sg) *müöt'* 'по новой дороге', *pagana=šta puaru=štä* (El.Sg) 'из поганого (нечистого) духа';

вод. *pēnē=kā ālē=kā* (Com.Sg) 'с маленьким голосом', *paksū pū alla* (Gen.Sg) 'внизу толстого вяза', *vasse=ssa tē=tä* (Part.Sg) *mō* 'по новой дороге';

эст. *jameda künnapuu* (Gen.Sg) *all* 'под толстым вязом', *mööda uu=t tee=d* (Part.Sg) 'по новой дороге';

лив. *ūt̃t̃ r'ekk̃t̃* (Gen.Sg) 'новой дороге', *sūr kūndabā* (Gen.Sg) *all̃t̃* 'под большим вязом'.

Однако имеются и случаи «рассогласования». Так, полное согласование атрибутивных словоформ со словоформами класса актантов мы наблюдаем в финском и карельском языках. В эстонском, вепсском, ижорском, водском и ливском языках происходит частичное согласование в падежах, а именно в некоторых косвенных, например:

эст. *peenikes=e* (Gen.Sg) *hääle=ga* (Comit.Sg) 'с тонким голосом', *peenikes=te* (Gen.Pl) *hääle=tēga* (Comit.Pl) 'с тонкими голосами';

веп. *surē=n* (Gen.Sg) *kniga=ṇkē* (Comit.Sg) 'с большой книгой';

иж. *kylmä=n* (Gen.Sg) *liisteh=ille* (All.Pl) 'на холодные копылья';

лив. *pìenĩt*=*ê* (Gen.Sg) *ielkkê*=*ks* (Comit.Sg) 'с тонким голосом',
sũ·r=*d* (Gen.Pl) *mu·õkkê*=*dêks* (Comit.Pl) 'с большими
 проблемами'⁹.

В целом прибалтийско-финские языки демонстрируют тенденцию к обязательному согласованию атрибутов и актантов, что сближает эти языки с соседними (индоевропейскими) языками, под влиянием длительных контактов с которыми (прежде всего со славянскими и германскими), возможно, и сложилась указанная категория. Степень давления индоевропейской системы могла быть разной, поэтому каждый из языков, входящих в уральскую семью, по-разному отвечал на эту экспансию. Так, А. П. Володин указывает, что венгерский язык не усвоил модели согласования атрибутов и актантов, но в тоже время в нем получили распространение именные словоформы на *-t* в качестве обозначения прямого объекта (аналог индоевропейского аккузатива) [Volodin 1996: 35–43].

Ещё одной характерной чертой атрибутивных словоформ прибалтийско-финских языков является то, что они не имеют собственных регулярных маркеров, которые бы позволяли дифференцировать их от словоформ группировки актантов. Часть атрибутов актанта не осложнены какими-либо показателями, другие же заимствуют у актантных словоформ довольно обширный набор словообразовательных суффиксов. Таким образом, возникает некоторая трудность в бесконтекстном определении принадлежности словоформы к той или иной группировке. Одни и те же словоформы, не меняя своего экспонента, могут функционировать либо как актант, либо как атрибут актанта, например: например:

фин. *Pelko valtasi hänet* 'Испуг овладел им' – *pelko koira paljon haukkui* 'Пугливая собака много лает'; *minulla on kova kiire* 'Я очень спешу' (букв.: у меня сильная спешка) – *minulle tuli kiire lähtö* 'мне пришлось спешно уехать' (букв.: мне настал спешный отъезд); *suuri kelmi* 'великий негодяй' – *kelmi mies* 'дурной (негодный) человек'; *vieras tuli* 'гость пришёл' – *vieraita tuli* 'гости пришли'; *vieras kieli* 'чужой язык' – *vieraita kieliä* 'чужие языки'; *kylläpä* *aika* *menee nopeasti* 'да, время идёт быстро' – *Pekka on aika mies* 'Пекка –

⁹ По мнению П. Аристе, это явление может являться следствием присоединения послелогов к словоформам, например: вод. *koťõssa* = *koťõse sã* «дома до», где словоформа первоначально стоит в форме иллатива ед. ч. [Ariste 1948]. При сочетании атрибута и актанта послелог, вероятно, присоединялся только к последнему, атрибут оставался в той или иной падежной форме, как, например, в ижорском языке в форме иллатива или как в эстонском языке в форме генетива.

взрослый человек’ – *Tämä sattuu aika paljon* ‘это случается довольно много’;

веп. *vilu sää* ‘холодная погода’ – *irdau om vilu* ‘на улице холодно’ – *hän säraidab viluspäi* ‘он дрожит от холода’.

В прибалтийско-финских языках неизменяемых атрибутивных словоформ, которые не согласуются с актантами ни в числе, ни в падеже, насчитывается чуть более десятка. При этом в современном языке функционируют производные варианты таких словоформ, которые согласуются со словоформами класса актантов в числе и падеже. Мы считаем это знаком того, что система оказывает давление на указанные словоформы, подчиняя их правилу обязательного согласования в указанных языках.

Словоформы группировки Atr_1 в прибалтийско-финских языках маркированы более отчётливо, например:

фин. *vastusteli Jussi, vaikka kyllä varova=sti* ‘возразил Юсси, хоть и **осторожно**’, *rupesit sitä niin kova=sti* ‘ты стал говорить это так **сильно**’, *Antti tarkasteli sen visu=sti* ‘Антти осмотрел её **тщательно**’, *myönsi toinen laiska=sti* ‘тот **лениво** согласился’;

веп. *podoidib hilla=šti* ‘подойдёт **тихонько**’, *uk’epidas čoma=šti* ‘укрепят **хорошенько**’, *añi piga=šti mä lendan* ‘очень **скоро** я улечу’;

кар. *A sielä papad'd'a eläy bohata=sti* ‘А там попадья живёт **богато**’.

Образуя степени сравнения, словоформы класса актантов в некоторых прибалтийско-финских языках обозначают не предметы, а локально-темпоральные признаки. Тем самым актант, оказываясь в «чужой» для него функции, приобретает те категории, которые являются обязательными для данного уровня (яруса), т. е. для Atr_1 или для Atr_2 , например:

фин. *ranta* ‘берег’, *rannempi* ‘ближе к берегу’; *syksy* ‘осень’, *syksympänä* ‘более поздней осенью’; *syрjempänä* ‘подальше, в стороне’ от *syрjä* ‘сторона, край’, *peremmäksi* ‘подальше вглубь’ от *perä* ‘крайняя, задняя часть’; *päivemmällä* ‘позднее днём, среди дня’ от *päivä* ‘день’.

Категория сравнения в прибалтийско-финских языках характерна для всего атрибутивного яруса в целом.

Таким образом, атрибуты актанта в прибалтийско-финских языках грамматически оформляются как словоформы класса актантов, принимая показатели падежа и числа, за исключением форм сравнения, которые образуются от атрибутивных словоформ качественной

и локально-темпоральной семантики. Соответственно, согласно «грамматике словоформы», в прибалтийско-финских языках у прилагательных отсутствуют собственные формальные признаки, которые позволили бы выделить их в отдельную часть речи, подобно именам и глаголам. По форме словоформы качественной семантики в прибалтийско-финских языках близки именам, что неоднократно отмечалось в грамматических описаниях. По нашему мнению, такого рода формальная «несамостоятельность» не позволяет выделить в этих языках прилагательное как самостоятельную часть речи, предпочтительнее описание их как функциональной группировки атрибутов актанта. Словоформы, входящие в указанную группировку, отличаются по формальным показателям от словоформ группировки атрибутов предиката. Такая характеристика $Attr_2$ отличает эту ветвь уральских языков на фоне других.

Другим уральским языкам согласование актанта и атрибута при знаковой семантики в числе и падеже не свойственно. Вследствие этого на первый план при разграничении атрибутов актанта и атрибутов предиката выходит синтаксический параметр.

В ряде случаев, однако, отмечаются единичные случаи согласования атрибута и актанта в числе и падеже в волжских, пермских и самодийских языках. В пермских языках (в частности, удмуртском) это происходит тогда, когда атрибуты актанта содержат указательно-выделительную морфему *-ез / -эз* (в ед. ч.), *-ыз* (во мн. ч.), придающую словам значение 'именно тот из них, который', например: *чебересь=ёс=ыз=лы=гес ныл=ъёс=лы* (красивый= $Pl=Dem=Dat=Compar$ девочка= $Pl=Dat$) 'тем девочкам, которые более красивые'¹⁰. Данный случай, по нашему мнению, обусловлен специфическим проявлением категории определённости / неопределённости, которая в удмуртском языке выражается в формальном уподоблении атрибутивных словоформ словоформам класса актантов.

Согласование атрибутов и актантов во множественном числе посредством суффикса *-эсь* в пермских языках, в частности в удмуртском, согласованием в полном смысле этого слова не является. По нашему мнению, данный суффикс в первую очередь указывает на

¹⁰ Указанные суффиксы свободно сочетаются и со словоформами других классов. Так, В. И. Алатырёв отмечал функционирование выделительно-указательных суффиксов в удмуртском языке «в структуре существительных, некоторых местоимений, некоторых наречий, всех типов прилагательных, числительных (особенно порядковых), некоторых отглагольных образований (причастий), некоторых наречно-изобразительных слов» [Алатырев 1970: 4].

обладание тем признаком, который заключён в основе словоформы, таким образом, он выполняет выделительную функцию, а не функцию выражения множественности, в отличие от суффиксов *-ёс / -ос*, которые маркируют именно множественное число:

удм. *ин кад' чагърэс' с'инйос къско монэ бордазы* 'очень голубые (букв. как небо голубые) глаза притягивали меня к себе', *с'уйэс' са-пэгийосън ин со пъриз корка* 'в сапогах, запачканных землёй, он же и зашёл в дом'.

На это же, по нашему мнению, указывает и факт факультативности присоединения суффикса *-эсь* к словоформам, выполняющим функцию Atr_2 , отмеченную авторами описаний удмуртского языка.

Кроме того, уподобление происходит в том случае, когда словоформа выступает в обособленной позиции, например:

мар. *олыкышко, ужаргыш, тунам вара мый лектам...* 'тогда на луг, зелёный, я выйду...'

Такое уподобление мы считаем закономерным, поскольку атрибутивные словоформы выполняют «полупредикативную» функцию в составе обособленного оборота, таким образом, согласуются с подлежащим в числе, так же как и в тех случаях, когда атрибуты актанта выступают в функции предиката. Полное же уподобление в числе и падеже атрибутивных словоформ актантам в рассматриваемой позиции мы склонны трактовать как требование нетипичной для указанных словоформ функции придания предмету уточняющего названия, которая свойственна именно словоформам класса актантов, ср., например, рус. *девочка-подросток, город-герой, девушки-красавицы* и др.

В нганасанском языке наблюдается аналогичная, на наш взгляд, с прибалтийско-финскими языками ситуация «рассогласования» атрибута и актанта в косвенных падежах.

В волжских, угорских (за исключением венгерского) и самодийских языках у группировки словоформ, выполняющих функцию Atr_2 , отсутствует морфологически выраженная категория сравнения. Значение сравнения в указанных языках выражается посредством синтаксических конструкций с именами в отложительном падеже или послеложными конструкциями. Однако такого рода конструкции не могут быть отнесены к словоизменительным категориям атрибутов, поскольку сами они остаются неизменяемыми. На этом основании словоформы группировки Atr_2 сближаются с атрибутами предиката, у которых

также отсутствует какое-либо специальное оформление. В пермских языках сравнение выражается с помощью аффиксов, которые легко присоединяются и к словоформам процессуальной семантики, образуя при этом значение усиления, например:

к.-з. *меным уджавсьōджык* 'мне более работается', *сылы мōвпавсьōджык* 'тебе более думается';

удм. *со изьыныгес яратэ* 'он любит поспать более', *со изьыны яратэгес* 'ему спать нравится более'.

Оформление указанными аффиксами словоформ разных группировок для выражения степени признака и действия, а также субъективной оценки распространено в уральских языках. Таким образом, в рассматриваемых языках (за исключением прибалтийско-финских) однозначно отнести словоформы к атрибутам актанта на основе формального критерия не представляется возможным.

В прибалтийско-финских, волжских, пермских, угорских и самодийских языках (за исключением селькупского) атрибуты актанта не имеют какого-либо специального маркера, тогда как словоформы вторичной для данной позиции семантики чаще получают формальное выражение, что обусловлено семантической избирательностью для рассматриваемой группировки. В саамском же и селькупском языках обнаруживается более чёткое маркирование именно первичной для указанной функции семантики при помощи специальных показателей.

В итоге можно распределить уральские языки согласно признакам, характеризующим совокупность словоформ качественной семантики и выполняющих функцию Atr_2 , и представить данную классификацию в таблице 1, которая показывает, что уральские языки обнаруживают структурную асимметрию, разделяясь на две большие группы: с одной стороны, прибалтийско-финские языки, в которых имеется группировка морфологически оформленных словоформ, выполняющих функцию Atr_2 , что связывается в первую очередь с сильным воздействием соседних (индоевропейских) языков, а с другой стороны, волжские, пермские, угорские и самодийские языки, в которых атрибуты актанта первичной для этой функциональной группировки семантики не имеют специального морфологического оформления.

Таблица 1

Классификация уральских языков по типам словоформ качественной семантики, выполняющих функцию Atr_2 ¹¹

Языки	Согласование в числе	Согласование в падеже	Морфологическое оформление сравнения	Регулярный маркер Atr_2
Прибалтийско-финские				
финский	+	+	+	–
карельский	+	+	+	–
эстонский	+	+/-	+/-	–
вепсский	+	+/-	+/-	–
водский	+	+/-	+/-	–
ижорский	+	+/-	+/-	–
ливский	+	+/-	–	–
Саамский				
саамский	–	–	+/-	+/-
Волжские				
марийский	–	–	–	–
эрзянский	–	–	–	–
мокшанский	–	–	–	–
Пермские				
коми	–	–	+	–
удмуртский	–	–	+/-	–
Угорские				
венгерский	–	–	+	–
хантыйский	–	–	–	–
мансийский	–	–	–	–
Самодийские				
ненецкий	-/+	-/+	–	–
нганасанский	-/+	-/+	–	–
энецкий	–	–	–	–
селькупский	–	–	–	+/-

¹¹ Индикация признаков производится с помощью следующих обозначений:

«+» – признак присутствует в языке в полной мере или признак проявляется регулярно;

«+/-» – признак присущ языку частично, например: согласование в прямых падежах и несогласование в косвенных падежах; показатель принадлежности к группировке для части атрибутов актанта качественной семантики; сравнительная степень оформляется морфологически, а превосходная степень – аналитически;

«-/+» – согласование в некоторых падежах и согласование по числу в некоторых говорах, которое отмечают авторы описаний самодийских языков;

«–» – признак отсутствует в языке полностью или признак является нерегулярным.

В **Заключении** подводятся основные итоги работы и определяются перспективы дальнейшей научной разработки вопроса. В частности, делается вывод о том, что в модели «ГС» словоформы распределяются согласно их первичным функциям и семантики корня по функциональным классам. При этом формальные признаки словоформ выступают дополнительным аргументом для отнесения словоформ к тому или иному функциональному классу. С этой позиции постулируется наличие *функциональных группировок* предикатов, актантов и атрибутов. Эти классы являются универсальными. В свою очередь, в классе атрибутов могут быть выделены группировки атрибутов актанта и атрибутов предиката (определения и обстоятельства в терминах теории членов предложения). Однако такое различие не является универсальным, что отчасти демонстрируют уральские языки.

В уральских языках возможно выделить функциональную группировку словоформ, выполняющих функцию определения. Указанная группировка характеризуется, во-первых, функциональной определённой (атрибут актанта), во-вторых, семантической избирательностью (качественный признак), в-третьих, морфологической несамостоятельностью, которая в уральских языках проявляется по-разному.

Так, в прибалтийско-финских языках атрибуты актанта обнаруживают большую близость со словоформами группировки актантов, с которыми они согласуются в числе и падеже, заимствуя при этом у актантов инвентарь падежных и числовых показателей. При этом у них нет собственных регулярных показателей категориальной принадлежности, а лишь разнообразные показатели, характерные и для актантных словоформ, тогда как словоформы класса атрибутов предиката маркированы более отчётливо.

В саамском, волжских, пермских, угорских и самодийских языках атрибуты актанта являются неизменяемыми, т. е. не согласуются с определяемым ни в числе, ни в падеже. Отдельные случаи оформления атрибутов актанта показателями множественного числа при определяемом в некоторых из перечисленных языков мы рассматриваем как периферийное явление. Такой тип формального поведения атрибутов актанта сближает их с атрибутами предиката, для которых характерна формальная самостоятельность и первичная неизменяемость.

Атрибуты актанта в прибалтийско-финских, саамском, венгерском и пермских языках могут образовывать формы сравнения морфологически, в то время как в волжских, хантыйском, мансийском и самодийских языках сравнение передаётся актантной словоформой в отложительном падеже или послеложными конструкциями.

Рассмотрение словоформ согласно предложенной модели структурирования языкового материала позволило выявить общие черты всех уральских языков. Так, в частности, в прибалтийско-финских языках, так же, как и в других уральских языках, отсутствует согласование атрибутивных словоформ предметно-вещественной семантики, что подчёркивает факт семантической избирательности группировки атрибутов актанта.

Анализ языкового материала на примере группировки атрибутов актанта качественной семантики убедительно, на наш взгляд, доказал возможность применения «грамматики словоформы» для описания языков неиндоевропейской типа. В результате проделанной работы нам удалось показать модель структурирования неиндоевропейских языков, в частности уральских, благодаря которой будет возможно в перспективе классифицировать весь материал уральских языках без остатка.

Результатом рассмотрения явилась классификация уральских языков согласно признакам, присущим словоформам качественной семантики, выполняющих функцию атрибута актанта.

Список работ, опубликованных по теме диссертации

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных изданиях и изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией РФ для публикации результатов кандидатских и докторских диссертаций:

1. Шитц О. А. «Прилагательные» в уральских языках (на материале финского, венгерского, удмуртского, коми и мордовских языков) // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. Сер. Гуманитарные науки (Филология). – 2006. – Вып. 9 (60). – С. 67–70.

Статьи, опубликованные в других изданиях:

2. Шитц О. А. К вопросу о развитии грамматической структуры имени прилагательного в уральских языках // IX Всерос.

конф. студентов, аспирантов и молодых учёных «Наука и образование» (25–29 апреля 2005 г.) : Материалы конф. в 6 т. – Томск, 2005. – Т. 2., Ч. 2. : Филология. Актуальные проблемы современной лингвистики и методики преподавания иностранных языков. – С. 308–313.

3. Шитц О. А. «Прилагательные» в удмуртском и коми языках // X Всерос. конф. студентов, аспирантов и молодых учёных «Наука и образование» (15–19 мая 2006 г.) : Материалы конф. в 6 т. – Томск, 2006. – Т. 2., Ч. 2. – С. 5–98.

4. Шитц О. А. Генезис уральского «прилагательного» (на материале финского и венгерского языков) // Иностранный язык и иноязычная культура в образовании : тенденции, проблемы, решения: Сб. науч. ст. по материалам V Междунар. науч.-метод. конф. Том. гос. пед. ун-та. – Томск, 2006. – С. 121–123.

5. Шитц О. А. К вопросу о «прилагательном» в мордовских языках // Язык и мировая культура : взгляд молодых исследователей : Материалы VI рег. науч.-практ. конф.-конкурса преподавателей, аспирантов, студентов вузов и учащихся старших классов альтернативных учебных заведений. – Томск, 2006. – С. 27–28.

6. Шитц О. А. Уральские «прилагательные» (на материале финского, венгерского, удмуртского и коми языков) // Язык и культура – основа общественной связности. Научная сессия «IX Невские чтения» : Материалы междунар. науч.-практ. конф. – СПб., 2007. – С. 114–116.

7. Шитц О. А. Атрибуты актанта в ненецком языке // Историко-культурное взаимодействие народов Сибири : Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящённой 80-летию со дня рождения проф. А. И. Чудоякова. – Новокузнецк, 2008. – С. 180–182.

